

Ив Грече

МЕТО

ТОМ I **ДОМ**

Посвящается Пьеру...

Иллюстрация на обложке Томаса Эретсманна.

ГЛАВА

Шестьдесят четыре мальчика живут вдалеке от остального мира в огромном Доме под руководством строгих учителей. Здесь нет женщин. Вся жизнь регулируется четкими правилами, за нарушение малейшего из них следует суровое наказание. Превыше всего — образование, физическая подготовка и послушание старшим.

Никто из мальчиков не помнит о прошлом, но все убеждены, что им очень повезло попасть в Дом. И каждый с ужасом ждет, когда вырастет и ему придется покинуть это место. Время уходит наступая, когда ребенок вырастает настолько, что под ним ломается кровать. Что будет дальше? Никто не знает, что происходит с теми, кто уходит из Дома, и никто их больше никогда не видит...

Мето станет первым воспитанником Дома, кто откажется слепо повиноваться наставникам, попытается нарушить правила и рискнет жизнью, чтобы узнать правду.

«Мето. Дом» — это первая часть потрясающей фантастической трилогии французского писателя Ива Гreve, награжденная 12 литературными премиями.

Оригинальное издание на французском языке
было впервые опубликовано в 2008 году
под названием МЭТО. La maison
издательством «Сирос Женесс»
Права на текст © 2008 Сирос – Париж, Франция.
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2012.

Хрусть!.. Звук едва различим, но будит всех. Не слышно ни вдохов, ни выдохов, все в тревожном ожидании. Время — пять или шесть утра. Через маленькое круглое окошко видно, что светает. Вдруг слышится шепот Сервия:

— Это Квинт!

— Нет, не я! — отвечает из полумрака чей-то обиженный голос.

— Замолчите все! — рычит Клавдий. — Заткнитесь, или они сейчас придут. Давайте, все спим, и будем надеяться, что никто ничего не заметит.

Через час наступает время вставать. Каждый поднимается и медленно вылезает из постели, осторожно проверяя на прочность тонкие бортики кровати большим и указательным пальцами.

Обычно эта ежедневная процедура, можно сказать, доставляет удовольствие. Выполняя ее, понимаешь, что все в порядке. Но сегодня утром

по-другому. Всю ночь скрипела кровать, а это значит, что один из нас в опасности и доживает, возможно, свои последние часы в Доме.

— Это Квинт!

Фраза прозвучала, как выстрел, но на этот раз непонятно, кто ее произнес. Квинт сидит на полу, зажав голову руками. Все ребята подходят к нему. Некоторые теребят его за плечо в знак сочувствия, другие едва осмеливаются взглянуть на него. Марий громко рыдает.

Все мы отправляемся в ванную. Марк подходит ко мне и неуверенным голосом шепчет на ухо:

— Так больше не может продолжаться!

— Знаю, Марк, — отвечаю я, глядя на него, — но что мы можем сделать?

Едва мы входим в дверь, как гудит сирена, призывая нас замереть и закрыть глаза. В коридоре слышатся быстрые шаги. Их как минимум пятеро. Я внезапно вспоминаю о Реме — я не видел, чтобы он вставал с постели. Что же с ним будет, когда его увидят спящим те, кто придет за Квинтом?

Один из них останавливается посреди ванной комнаты. Несколько секунд, и он приступает к осмотру. Почти вплотную прикикает к лицу. Чувствуется сильный запах масла, которым он смазывает свои подкованные ботинки. Кажется, меня сейчас вырвет. Он поворачивается

лицом к двери и застывает. В коридоре снова слышны все те же быстрые шаги, к звуку которых примешивается шум волочащегося мешка. Наш цербер направляется к выходу. Я приоткрываю один глаз и вижу его сбоку. Это человек маленького роста, меньше меня, с очень большой, кажется деформированной, головой и слишком длинными руками.

После завтрака за мной приходит Цезарь 1 и отводит в голубой зал. У него короткая борода и блестящий череп. На его груди нашивка с номером 1. Жестом он предлагает мне сесть на одну из скамеек, стоящих вдоль стен. А сам исчезает за маленькой дверцей. Мне не на чем остановить свой взгляд. Я успел изучить эти голые стены вдоль и поперек. Раньше мне часто приходилось сидеть здесь в ожидании наказания. Правда, последний раз я был тут больше года назад. Наконец дверь открывается. Входит мальчик, а сразу за ним — Цезарь 3, почти точная копия номера 1.

— Позволь представить тебе Красса. В течение следующего месяца ты будешь отвечать за него. Ты должен рассказать ему о правилах Дома. Именно ты должен помочь ему избежать ошибок, которые совершают по незнанию. Сегодня покажешь ему комнаты.

От других дел ты освобожден. И помни: если он совершит ошибку, отвечать будешь ты, и так в течение месяца, начиная с сегодняшнего дня.

— Я понял.

Я понял это еще до того, как он заговорил.

Квинт «ушел», и его нужно было заменить в тот же день до полудня. Но инициацию новичка мне поручают впервые. Я уже видел за этой работой других и знаю, что это опасно и рискованно, потому что даже самые покладистые дети не могут не наделать ошибок. Ведь нужно усвоить столько правил! Необходимо постоянно себя контролировать. Основной совет, который я могу дать, — ждать, всегда ждать: ждать, прежде чем заговорить, ждать, прежде чем что-то сделать.

— Не стой тут как вкопанный, — тихо говорит Цезарь З, — у тебя есть работа. Можешь приступить. Цезарь придет с проверкой в конце дня. До свидания.

Он выходит, ни на кого не глядя.

Я оборачиваюсь и смотрю на новичка.

— Привет, Красс. Послушай моего доброго совета: в любой незнакомой тебе ситуации сразу замри. Стой неподвижно и не раскрывай рта. Дождись моих объяснений. Даже если ты уверен, что все понял, не торопись. Сначала смотри, как делаю я, и повторяй за мной, даже если тебе это покажется странным... Поначалу тебе все здесь будет казаться странным. После станет

естественным, и ты больше не будешь об этом думать. Запомни: тебе повезло, что ты здесь. Мы спим в тепле на чистых простынях и едим досыта. Еще можно читать и играть.

— Как тебя зовут?

— Разве я не сказал? Я — Мето. Пошли, начнем со спальни. Сегодня я весь день буду рассказывать тебе обо всем подряд. Если что-то будет непонятно, не бойся, переспрашивай, я повторю.

Мы идем по пустынным коридорам. Красс то и дело запахивает на груди пальто, словно ему холодно. Я продолжаю:

— Сегодня двадцать девятое. Нечетное число, день уколов. Мы должны быть в санчасти к десяти часам. Ты должен понять главное: расписание здесь очень строгое.

— Строгое??

— Это значит, что его нужно соблюдать неукоснительно и никогда не опаздывать, иначе...

— Иначе?

— Могут быть неприятности. Но если ты будешь внимательным, все будет в порядке.

Я толкаю дверь в спальню и беру Красса за руку, которую он не вырывает, хотя мой жест кажется ему странным.

— Самое главное — не трогай кровати. Прочти, что написано вон там, на стене.

Он поворачивается и смотрит на меня с удивлением.

— Давай читай. Ты не умеешь читать?

— Не умею.

— Ну тогда слушай: «Спальня предназначена исключительно для отдыха». Ты понял? Здесь никто не будет с тобой играть, никто не будет за тобой гоняться в салочки. Тут никто не прячется, не дерется, даже подушками. В этой комнате мебель очень ценная, особенно кровати. Они крайне хрупкие. Одно неловкое движение может привести к поломке какой-нибудь перегородки, а сломанная кровать — это изгнание.

— Изгнание? Как это?

— Ты исчезнешь, и больше тебя никто никогда не увидит.

Укол делают в ягодицы, прямо перед уроком борьбы. Мы уже привыкли к такому лечению, никто из нас не ропщет.

— Уколы позволяют нам оставаться здоровыми и не расти слишком быстро. Ну как, не боишься, Красс? Я тебе обещаю, что ты почти ничего не почувствуешь.

Новичок покорно соглашается исполнить этот ритуал. Я вижу гримасу на его лице в момент, когда игла входит в тело. Он считает нужным меня успокоить:

— Я не боюсь уколов. Но, Мето, почему нам нельзя расти?

По правде сказать, я не знаю, почему хорошо быть маленьким, но здесь это именно так. Все — маленькие. Пока ты мал, ты остаешься в теплом гнездышке, а потом — большой прыжок в пустоту...

— Садись, Красс. Я расскажу тебе одну историю. Однажды мне пришлось подвергнуться уколу два раза. Это было во вторник. Накануне я порвал свою голубую ленту.

— Голубую ленту?

— Ах да! Ленты... Я объясню тебе вечером. Так вот. Лента. Это меня потрясло, я встал в очередь два раза. Все происходило очень быстро, как обычно. Казалось, никто не обратил на это внимание. Однако санитар заметил. Очевидно, поняв, что пришлось использовать лишний шприц. Спортивное занятие было отменено. Никто не донес на меня, но вечером в спальне я понял, что так не делается. Я был молод, я учился.

Помню, как в тот день перед сном кто-то из старших поучал нас:

— Необходимо соблюдать два важных правила. Первое: никогда не красть укол у другого. Второе: никогда не лишать детей спортивных занятий. Наказание в случае рецидива — ночное изгнание виновного из кровати.

Мне казалось, что я уже все понял, но я все-таки спросил, дрожа от страха:

— Что такое рецидив?

— Не повторяй своих ошибок! Вот что это значит. А завтра ты отдашь свой укол Мамерку. Сегодня ночью была тревога. Его кровать здорово скрипела.

Я не протестовал. Все были согласны, я в то время был новеньким. У меня не было друзей, ведь новичков все опасаются. Часто они становятся причиной катастроф. Сам увидишь, что с уколами не все так просто. Некоторые меняют свои уколы на хорошую отметку или кусок пирога. В особенности малыши, которые еще не до конца разобрались, что к чему.

Мы неподвижно сидели на скамейке и смотрели на веселые лица других ребят, проходящих мимо на тренировку по борьбе.

— Хочешь к ним присоединиться? Хотя сегодня не обязательно, ведь это твой первый день.

— Я немного устал, и потом...

— Что «потом»?

— Я хочу есть.

— Знаю, но с этим надо подождать, здесь расписание очень...

— Строгое.

— Точно. Ты быстро соображаешь.

Красс опять кутается в пальто.

— Ты замерз?

— Нет, здесь жарко.

Мы замолкаем и остаемся сидеть на месте. Красс засыпает. Я ощущаю тяжесть его головы у себя на плече. Через несколько минут мне становится неудобно, но я не решаюсь пошевелиться, боясь его разбудить. От него пахнет мылом, должно быть, после чистки. Мне становится все больнее, я слегка отклоняюсь и поддерживаю его голову, чтобы он не ударился. В конце концов я вытягиваю ему ноги вдоль скамьи и кладу его голову себе на колени. У него сбриты волосы, и сзади на черепе виден небольшой свежий шрам.

Должно быть, я был на него похож четыре года назад, когда попал в Дом. Маленькое ощипанное и уставшее существо, слишком довольное тем, что нашло надежное местечко для сна. Мне не удается вспомнить, что было прежде, до того. Я помню только холод, мрак и ужасные запахи, одно напоминание о которых, даже годы спустя, способно вызвать во мне тошноту. Все, что я знаю, это то, что здесь лучше.

Вдруг я вспоминаю о Реме, который сегодня утром спал, когда пришли за Квинтом. Как же это возможно? У меня не было времени с ним поговорить. Мне вручили этого воробышка. Моя

миссия отчуждает меня от других. Я этого не люблю.

Почти полдень. Я должен будить Красса. Ему нельзя пропустить еду, особенно в таком состоянии. Я потряхиваю его не то чтобы сильно, но он вдруг начинает выть так, словно я ударил его изо всех сил. Я снова трясу его, на этот раз строго приказывая замолчать.

— А-а, это ты, — говорит он, переводя дыхание. — Я думал, что во сне. Что-то случилось? Долго я спал?

— Скоро обед. Нам надо идти в столовую.

— Извини, что закричал.

— Ничего. Пошли.

Мы заходим в столовую первыми, и Красс с восхищением смотрит на уставленные едой столы. Он замирает с открытым ртом, пораженный, по-видимому, богатством и разнообразием блюд. А может, уже усвоил «рефлекс статуи». Я тихонько стучу ему по плечу:

— Вперед, не бойся. Это все и для тебя тоже. Здесь ты поправишься.

Вскоре к нам присоединяются остальные дети. Немного шумно. Все занимают свои места, рассаживаются, и шум затихает. Цезарь 5

поднимает свою вилку в знак пожелания приятного аппетита. Я шепчу на ухо Крассу:

— Ты должен досчитать до 120, прежде чем прикоснуться к приборам, и выдерживать по 50 секунд, перед тем как отправить в рот очередной кусок. В остальном можешь есть столько, сколько хочешь, в отведенный для еды промежуток времени.

Я слышу, как рядом со мной сопит Красс. Вид у него слегка ошалелый.

— Послушай, как тихонько считают другие малыши...

— 115... 116... 117... 118... 119... 120...

Красс внезапно вздрагивает от звука, который издают... шестьдесят четыре руки, разом взявшиеся за вилку. Через несколько секунд он уже жует. Больше практически ничего не слышно. Вскоре снова можно слышать голоса малышей, чеканящие: 46... 47... 48... 49... 50... Сам я уже давно не считаю. Каждый раз я чувствую нужный момент, когда могу наколоть вилкой еду. Красс ест до самой последней секунды. Он успевает отправить вилку в рот 72 раза. Это максимум. Я ощущаю его внезапную усталость, без сомнения порожденную стрессом из-за такого ритуала приема пищи. Я забыл его предупредить о том, что переесть опасно, особенно после сильного голода, но что с того? Разве он бы меня послушал?

Мы встаем. Я слегка его поддерживаю.
 Ко мне подходит Марк:
 — Последи, чтобы его не стошнило.
 — Я знаю.
 — Что он сказал? — интересуется Красс.
 — Так, ничего. Давай прогуляемся, чтобы помочь твоему желудку справиться с едой.
 Играть сейчас тебе будет тяжело.
 — Куда пойдем?
 — На маяк. С его башни виден весь остров.
 Там много лестниц, но мы будем забираться потихоньку.
 — У меня живот болит.
 — Если будет тошнить, говори мне.
 Неприятности нам не нужны.

Маяк возвышается над Домом. Чтобы туда попасть, надо пройти целый ряд коридоров. Мы проходим мимо множества дверей, которые я всегда видел только закрытыми. Из комнат доносятся различные запахи: затхлый дух сточных вод, пота, лекарств. Красс морщится. Я понимаю — дело плохо, и пытаюсь найти решение. Все двери закрыты, а на тех, что ведут наружу, висят огромные позолоченные цепи. Нельзя, чтобы его стошнило прямо здесь, посреди коридора.

— Не волнуйся, Мет. Мне уже лучше.
 Нельзя ли открыть окно, чтобы я мог вдохнуть немного свежего воздуха?
 — Я никогда не видел открытых окон в Доме. Именно поэтому здесь всегда жарко. Сейчас мы начнем подниматься, на каждом втором этаже есть лавки, будем останавливаться, как только захочешь.
 Красс поднимается медленно, часто останавливаясь и глубоко дыша. Мы забираемся на самый верх за четверть часа. Открывается прекрасный вид. Я начинаю урок:
 — Наш остров похож на морскую звезду. Он вулканического происхождения с горой в центре: это и есть бывший вулкан. Дом построен в глубине кратера. Склоны вулкана покрыты плодородной почвой, на которой в сезон можно выращивать фрукты, овощи и злаки. На севере расположены лес, в котором разводят свиней, и луга, где обитают жвачные животные и домашние птицы. Есть также ульи. Вокруг всего острова и в подводных пещерах на западной стороне ведется отлов рыбы.
 Объясняя все это, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что сам я никогда не видел того, о чем говорю. Все это я выучил на уроках. Свиней из леса я вижу только в виде ломтиков ветчины у себя на тарелке или на картинках в учебниках. Внезапно я замечаю Цезаря 1.

Неужели я допустил ошибку? Лицо его выглядит как обычно. Он улыбается. Но улыбается он всегда, даже когда сообщает самые дурные вести.

— Метю, твой подопечный должен надеть униформу к ужину. Мне кажется, ты забыл зайти к портному.

— Нет, Цезарь, я не забыл. Мы пойдем к нему сразу после хорошего пения. Красс был очень слаб утром. Он немного поспал, и я боялся пропустить обед.

— Да, ему это было необходимо. Ты правильно сделал. Он не переел в полдень?

— Немного. Но все будет в порядке.

— Не опоздайте к портному. Он ждет тебя, и он не в духе.

— Отчего?

— Малыши подрались в начале урока борьбы и порвали форму. Старшие поздно вмешались. За ужином будут объявлены наказания, — сообщает Цезарь с той же ничего не выражающей улыбкой на лице.

Я ненавижу Цезаря I.

Он разворачивается и уходит, даже не взглянув на Красса.

— Такое впечатление, будто я вовсе не существую, — переживает малыш.

— На данный момент ты еще не являешься частью Дома. Он заговорит с тобой по окончании

инициации. До тех пор я говорю вместо тебя. А сейчас мы пойдем к портному.

Портной смотрит презрительно, как всегда.

— Новенький? — цедит он сквозь зубы. — Ему нужен четвертый размер. На, держи.

Он протягивает мне тюк из плотной зеленоватой ткани. Мы с Крассом идем в раздевалку. Я разворачиваю ткань на широком столе, установленном посреди комнаты. Внутри лежат белая рубашка, белое белье, коричневые брюки, толстая серая куртка, черные носки и ботинки.

— Вот тебе одежда. Ты сейчас переоденешься, сложишь все свои старые вещи в тюк, и мы пойдем на хор.

— Мне их отдадут после?

— После чего?

— Ну, когда я буду уходить.

— Нет, я думаю, их сожгут. Тебе выдают новую, теплую одежду. Она лучше, чем твоя старая. Тут не о чем жалеть.

— Я хочу оставить свое пальто.

— Зачем?

— Это все, что у меня есть... и потом... оно очень теплое.

Чего он добивается? Чтобы мы опоздали на хор из-за его пальто, набитого крысиной шерстью? Я не должен нервничать, я знаю, что

это все может испортить. Я стараюсь говорить спокойно, но твердо:

— Это невозможно. Ступай и переоденься.

Говоря это, я легонько подталкиваю его к узкой кабинке и закрываю за ним дверь.

Глубоко дыша, смотрю на часы. Что-то не слышно, чтобы он там возился. Считаю про себя до тридцати и открываю дверь. Он сидит на полу и тихо плачет.

— Я боюсь замерзнуть. И вообще, это пальто — мое. Я не хочу, чтобы его сжигали, — стонет он.

— Послушай меня, — говорю я раздраженно, — надень свои новые вещи. Я обещаю тебе, что поговорю с Цезарем о твоём пальто перед ужином. Здесь тебе никогда не будет холодно. Ты вечером увидишь свой шкаф, там, в спальне. Он будет набит свитерами, куртками и пальто. Давай переодевайся быстрее. Я не хочу, чтобы мы опоздали на хор.

Красс встает. Он закрывает дверь и одевается за несколько секунд. Выходит во всем новом. Натянуто улыбается. Я отдаю тюк портному и обращаюсь к нему как можно более любезным голосом:

— Он хотел бы оставить на память свое пальто. Я сегодня вечером поговорю об этом с Цезарем. Поэтому буду вам очень благодарен, если вы не станете сжигать его сию секунду.

— Ну да... ну да... на память. Поговори с Цезарем.

В его взгляде я замечаю нездоровое соучастие, как если бы он думал, что я разыгрываю спектакль и никто об этом не догадывается.

Я догоняю Красса.

— Все будет в порядке. Пойдем петь.

Раз в неделю мы ходим петь в хор. Ритуал требует, чтобы перед началом занятия каждый обвязал вокруг груди ленту из цветной бумаги. Она должна быть плотно пригнана: не слишком свободно, дабы не сползти, но и не слишком туго, чтобы не порваться... Ленты бывают четырех цветов. Крассу я повязываю голубую ленту. У Рема, Марка, Клавдия и у меня ленты красного цвета, последний размер.

— Красс, когда твоя лента порвется, тебе выдадут другую, темно-синюю, потом фиолетовую и, наконец, красную, как у меня. Самое главное — не трогай ленту. В конце занятия я сам сниму ее с тебя. Иди, присоединяйся к остальным пятнадцати Голубым и не болтай много. Внимательно смотри на учителя, когда он будет говорить.

Не помню, видел ли я когда-нибудь, как рвется лента во время пения. Обычно ее рвут

неловким движением, когда снимают из-за спешки, тревоги или волнения. Иногда это происходит просто потому, что пришла пора менять ленту. Часто, словно в разгар эпидемии, повязки рвутся по четыре-пять штук в один день.

Во время пения мы все стоим, замерев, словно статуи. Двигаются только подбородки и животы, служащие мехами.

Как и всегда, когда мы приходим, преподаватель уже на месте. Его ноги скрыты под пледом. Кажется, что он обосновался за пианино навсегда. Хоровое пение — это волшебство. На этих занятиях я чувствую себя могущественным рядом с моими товарищами. Иногда даже ловлю себя на том, что смахиваю с глаз нечаянно навернувшуюся слезу.

— Кто отвечает за новичка? — спрашивает учитель.

— Я.

— Как его зовут?

— Красс.

— Он любит петь?

— Я не знаю.

— Спроси у него.

Я подхожу к Крассу, которого Голубые оттеснили в сторону.

— Ты любишь петь?

— Не знаю. Мне кажется, я ни разу не пробовал.

Я поворачиваюсь к преподавателю:

— Он никогда не пробовал.

Учитель несколько секунд пристально смотрит на нас пустым взглядом.

— Пусть он начинает тихо и осторожно, чтобы не сбивать других. А ты, если узнаешь, что ему нравится петь, сообщишь мне об этом.

— Хорошо, учитель.

Я возвращаюсь на свое место. Красс бросает на меня полные отчаяния взгляды. Ему кажется, что я его покидаю. Я улыбаюсь ему в ответ.

Ближе к вечеру Красс просит меня вернуться в спальню. Он вынимает все свои вещи из шкафа, чтобы сосчитать их. Он прижимает майки к лицу и гладит свитера.

— Все нормально, ты доволен?

— Да, хорошо здесь.

— Ну что, тебе понравилось петь?

— Сегодня я так и не решился попробовать.

Я слушал, это было так красиво. Я потренируюсь в одиночестве на неделе. Скажи, ты не знаешь, что случилось с учителем? Почему он инвалид? Это с рождения?

— Нет. Это был несчастный случай. Я даже не знаю, кто мне об этом рассказал. Ты увидишь, это коснулось всех учителей.

— И ты знаешь, что произошло?

— Они взбирались по южной стороне вулкана и сорвались. А так как все они были связаны одной веревкой, то все и упали.

— Вот оно как... Ну и история! Могу я вечером надеть под куртку свитер?

— Если хочешь. Тебе что, холодно?

— Нет. Мне просто нравятся мои свитера. Они так приятно пахнут. Мы сами стираем свои вещи?

— Нет. Каждое утро ты будешь находить их чистыми. Ночью, пока мы спим, всю работу выполняют феи или домовые.

— Ты разговариваешь со мной как с маленьким.

— А ты и есть маленький. Кроме того, у меня нет другого объяснения. На самом деле никто не знает, как это происходит.

Я смотрю на часы и говорю:

— Скоро будет ужин. Пойду попробую поговорить с Цезарем насчет твоего пальто.

Мы выходим из спальни и направляемся в игровую. Я надеюсь встретить там Марка, которому смог бы доверить Красса. Мы входим в зал и видим, что все места заняты. Слышны смех, ругань и даже свист. Я замечаю Марка, который наблюдает за Клавдием и Павлом, играющими в уголки.

Эти двое всегда вместе, с тех пор как один был подопечным другого. В Доме дружба

между маленьким и большим случается редко. Как правило, инициация создает определенное напряжение в отношениях. Старший часто несет наказание по вине младшего и думает только о том, как бы побыстрее от него избавиться. Иной раз дело даже доходит до мести.

— Марк, можно, я оставлю тебе моего малыша на пять минут? Мне надо увидеться с Цезарем.

Марк жестом приглашает Красса присесть. Я ухожу не сразу и мгновение смотрю на них.

— Красс — красивое имя, да? — говорит Марк.

— Да.

Мой друг показывает на игровое поле:

— Ты знаешь правила?

— Нет.

— Это интересная игра. Посмотри, если понравится, я тебя научу. Ты можешь идти, Мето. Мы никуда не денемся.

Я едва успеваю выйти из комнаты, как меня громко окликают:

— Мето! Мето! Где твой подопечный?

— Цезарь, я как раз иду к вам. Я доверил Красса Марку.

— За него отвечаешь ты...

— Мне надо поговорить с вами наедине.

— Что-то случилось? Его вырвало? Он что-нибудь сломал? Он...

Я решаю дождаться, когда он даст мне заговорить. Я смотрю на свои ботинки. Цезарь понимает мое молчание:

- Ладно, рассказывай!
- Я по поводу его пальто...
- Ах да. Мне сказали. Наври ему.
- Я не хочу его обманывать.
- Солги. Правды он не узнает. Давай прямо

сейчас.

Он оставляет меня. Разговор окончен.

Я возвращаюсь.

- Ты уже пришел? — спрашивает Красс.
- Да. Похоже, Цезарь ждал меня у дверей.

Твое пальто... его не сожгут. Тебе его вернут, когда будешь уходить, если... если ты их попросишь об этом.

Павел, который собирался бросить кубик, замер с поднятой в воздухе рукой и уставился на меня:

- И ты ему поверил?
- Цезарь ему так сказал, — проговорил

Клавдий со значением.

— Ну, если Цезарь сказал... — повторил Павел.

За ужином обстановка крайне напряженная. Цезарь 1 встает с многообещающей улыбкой на лице. Красс спокоен. Я чувствую себя виноватым

перед ним. Но Цезарь прав. Когда Красс вырастет, он сможет понять и принять правду. К тому же меня уже не будет рядом и он не сможет меня упрекнуть за то, что было. Я «сломаюсь» задолго до этого.

Все ребята сидят на своих местах и ждут в абсолютной тишине. Цезарь 1 начинает:

— Первое: Кезон и Децим подрались.

Наказание: 24 часа холодной комнаты.

Исполнение: немедленно. Второе: Красные вмешались слишком поздно. Наказание: круговая пощечина. Исполнение: сегодня в 8 часов вечера в спальне. Приятного аппетита!

Децим и Кезон встают и идут за Цезарем 5.

Они с трудом сдерживают слезы. Я испытал это наказание на себе. Между собой мы называем его холодильником. В этой темной тюрьме температура никогда не поднимается выше нуля градусов. Там они смогут многое понять о себе и друг о друге. Для того чтобы выжить, им придется стать заодно.

Цезарь поднимает вилку. Можно начинать отсчет. За столом старших все обмениваются взглядами: кто гневными, кто — безразличными или смиренными. Красс шепчет мне на ухо:

— Тебя не было там, когда все произошло. Ты ничем не рискуешь.

— Я тоже Красный, поэтому это касается и меня.

Малыш смотрит на меня с ужасом.

— Ничего не понимаю! — он выдерживает паузу и спрашивает снова:

— Круговая пощечина — это больно?

— Увидишь, по-разному бывает.

Не переживай. Со мной это не впервой. Главное, Красс, не ешь слишком много сегодня.

Ровно в восемь Цезарь 3 заходит в спальню с небольшой черной сумкой в руке. Все старшие подходят к нему, и каждый по очереди берет деревянный жетон с номером. Мне достается номер 14. Затем мы встаем кругом, соблюдая порядок в соответствии с жетонами. Цезарь встает в центре круга и спрашивает, готовы ли мы.

— Я начинаю. Внимание... 1... 2... 3...

Услышав свой номер, Первый замахивается и сильно ударяет по лицу Второго, который поворачивается и дает пощечину Третьему, и так до номера 16, который бьет Первого. Цезарь лишь отсчитывает по три секунды между ударами.

— 13... Хлоп. 14... Хлоп. 15... Хлоп. 16...

Хлоп.

Конец. Цезарь протягивает сумку, и каждый возвращает жетон на место. Мы ложимся в постели. Октавий был тринадцатым и вlepил мне как следует, несмотря на отсутствие среднего пальца. Я шлепнул Тиберия так, что его мягкая

щека аж зазвенела. Цезарь уходит. Красс сидит у кровати, закрыв уши руками. Я хочу его успокоить:

— Ну, видишь, я не умер.

— Вы могли бы бить не так сильно!

— У нас нет выбора. Если кто-то будет притворяться, Цезарь назначит второй круг. Тогда все станут бить еще сильнее, чтобы прекратить это наверняка.

Тиберий проходит мимо меня, потирая щеку.

— Я переборщил, Тиберий?

— Нет, все в порядке, Мето. Спокойной ночи.

Я обращаюсь к Крассу с последними указаниями:

— В кровать залезай осторожно и старайся спать в самой середине. Высунь руки. Сегодня вечером я сам закутаю тебя, чтобы ты понял, как это делается.

Красс покоряется. Я начинаю заворачивать его в одеяло. Он ворчит:

— Ты стянул слишком сильно. Мне больно.

— Ты должен научиться спать так. Тогда во сне ты не сломаешь случайно кровать.

— Мне трудно дышать, — жалуется он.

— У тебя получится. Успокойся. Постарайся.

— У меня живот болит.

— Ты опять переел.

— Нет. Одеяло давит мне на желудок. Ты же знаешь, я даже не притронулся к десерту. А-а! Больно!

- Перестань болтать! Сосредоточься на дыхании. Твое тело привыкнет, и ты уснешь.
- Ну как? Запеленал ребеночка? — шутит Марк.
- Сам узнаешь, каково это, когда станешь нянькой!

Сегодня вечером очередь Павла выключать центральное освещение. По его возвращении будет абсолютная мгла. Чтобы исключить всякий риск, дежурный должен подготовиться к ночи в течение дня. Например, сосчитать точное количество шагов, чтобы ничего не сломать в темноте.

Закончив затягивать одеяло, я обращаюсь к своему подопечному:

— Спокойной ночи, Красс. Сегодня ты будешь спать в тепле.

Он не отвечает. Уже заснул.

Через несколько минут абсолютной тишины становятся слышны перешептывания. Разговаривать можно только с самым близким соседом. Невозможно точно разобрать, что говорят другие, но ради развлечения можно пофантазировать. Тело стиснуто одеялом, и чтобы увидеть что-нибудь над спинкой кровати, надо максимально вытянуть шею. Из-за этого

обращение взглядом к собеседнику стоит больших усилий. Не может идти речи о том, чтобы ослабить одеяло и приподняться, пусть даже на мгновение, на локтях. Ведь сон всегда приходит внезапно.

Я сплю рядом с перегородкой, и мой единственный ближайший сосед — Марк. Именно поэтому мы сблизились с ним, еще когда были Голубыми и вместе плакали вечерами. Марк шепчет:

- Наконец-то поболтаем.
 - Я ждал этого момента весь день. Ты поговорил с Ремом?
 - Да, немного, как обычно.
 - Он ничего тебе не сказал про сегодняшнее утро?
 - Нет, а что? Что-то случилось?
 - Его не было в ванной, когда пришли солдаты.
 - Ты уверен?
 - Похоже, они позволили ему спать дальше. И не наказали.
 - Тем лучше для него... А может, они его просто не заметили?
 - Зато я видел одного из них!
- Марк затихает. Он на несколько секунд высвобождает шею, поднимает голову к потолку. Я делаю то же самое.
- Ты осмелился... Ну и как, они страшные?

— Да, ужасные. Во второй раз должно быть не так страшно.

— Так ты попытаешься снова?

— Да. Я хочу знать их в лицо. Пусть даже будет страшно.

— Я тоже хочу посмотреть.

Постепенно перешептывания стихают, как по цепочке. Все засыпают.